

Кузбасс

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ КПСС.
ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 159 (8762)

Среда, 11 июля 1956 г.

Год издания 35-й

Цена 20 коп

Без строгого отбора

Начнем разговор с третьего раздела сборника, точнее — с одного из лучших стихотворений — «Две встречи».

Посланный камень на пути
загорался проходом —
не обогнуть,
не обойти.

А срок жесток — на идет.
Строители Южно-Сибирской железной дороги хорошо помнят трудные дни штурма скалы, преградившей им путь вперед. Кажется, совсем недавно обходила ее стороной, чтобы выбрать подходящее место для атаки. Каждый знал: впереди непроузные богатства. К ним надо пробиться во что бы то ни стало, как можно скорее.

Кузнечий марганец залег
в непроузных пластах,
железо, медь и уголек —
богатые места!

И все зависело от них, кто метр за метром отвоевывает, если не уболят, поросших кустарником, то от создавшая на ней любую работу глинистых оползлей, то у транзитных берегов, подступивших вплотную шека к шеке к стремительной Томк. Читаешь и с каждой новой строкой растет внимание к стихам, раскисающим о подвиге. Покупает прежде всего прада. Речь идет не о чем-то неведомом, придуманном либретто, чтобы удивить наивных, или прихвастнуть показной образованностью. Поэт запросто передает историю двух встреч рядовых, ничем особенным не отличавшихся от своих товарищей, обыкновенных людей. Первая встреча произошла во время освобождения советскими войсками территории, занятой японскими самураями. Подросток Чжу Фу Тан, рискуя жизнью, под вражеским огнем обнаружил советским войскам брод через бурную реку. Враги разрознили.

* Е. Буравлев, «Кладовские катели», тираж 5000 экз., цена 3 руб. 30 коп., Кемеровское книжное издательство, 1956 г.

Заметки к первому сборнику стихов Е. Буравлева*

ны. Но маленький друг смертельно ранен... Через несколько лет к бывшему капитану, теперь строителю Южсиба, приезжает на практику из московского института... кто бы вы думали? — Чжу Фу Тан!

Слеза солдата глубока —
появится не вдруг,
— во если радость велика...
Жил твой давнишний друг!

Рожденная в освободительных боях, братская дружба двух народов выдержала испытание времени, стала еще крепче в годы мирного строительства. Эта мысль не наваживает, а лозунговой фразой, как нередко случается в стихах на подобную тему. Нет. Вывод напрашивается сам собой, как естественное продолжение живой ткани стихотворения, как то сокровенное, что хотел выразить автор с помощью поэтических средств.

Вслед за капитаном, обнимшим своего давнишнего корейского друга, любя и строителем, сидевших тут же, мог сказать Чжу Фу Тану:
И твой народ,
и мой народ,
Как два бойца, точь-в-точь.
Мы на смерть шли,
за брата брат,
и стрим заодно.

Стихотворение не оставляет равнодушным. И не случайно. Евгений Буравлев изумительно работает над словом. Молодой поэт понимает: прозаическое произведение можно создать лишь о том, что захватило тебя всего, когда есть у тебя чем поделиться с людьми. Само собой разумеется, значение произведения несоизмеримо возрастает, если тема его важна, как выраженьица, велика, как это мы видели в стихотворении «Две встречи».

Но дело здесь не только в теме, в содержании. В сборнике «Кладовские катели», особенно в первых его разде-

лах, есть немало стихов на важнейшие темы. Однако строки холодны, сухи, рассудочны, никого не трогают. Причина не нова: все дело в отсутствии единства формы и содержания. Стоит нарушить или, что чаще всего бывает, не признать это единство, отнестись к нему с пренебрежением, будь то за счет формы или содержания, произведение получится слабое.

Стихотворение «Две встречи» — лучшее во всем сборнике, потому что тема большого значения облечена в достойную форму. Сквозной сюжет держит читателя в напряжении. Взаимность усиливается частой сменой картин, коротким разговором, яркостью, напряженностью окружающей обстановки, уместным повторением наиболее удачных, подходящих к крылатые, запоминающихся фраз.

В стихотворении почти нет неточных выражений, чего никак нельзя сказать о других, особенно тех, что расположены в первых разделах сборника. Вообще не понятно, для чего нужно было открывать сборник далеко не самыми совершенными произведениями. Раздел «Встречи в строю», вероятно, должен был стать по замыслу автора наиболее интересным. Почему же задуманное не свершилось?

Уже в первом в какой-то степени программном (по крайней мере, для данного сборника) стихотворении автор, начав с поэтической мысли, с детства и сказки, под конец сбился на риторические фразы: «Нам все по плечу — мы в огне не стораили», «Труда дерзновенный не знает предела».

Причем тон решающих фраз поэзии неперен. Например, поэт говорит от имени своего поколения: «Мы... в трудовой работе не знали заборов». Кстади, такой же неточной по смыслу фразой колыцается и другое стихотворение: «Идти, не ведая преград, нам вместе суждено». Если в данном случае верить автору, то у нас трудностей не было и не предвидится.

Такое ошибочное утверждение тем более странно в сборнике, где подвизающиеся большинством произведений посвящено тому, как наши современники мужественно преодолевают преграды на своем пути.

К сожалению, в первом разделе, наиболее слабом, встречаются и другие неточные утверждения, вроде: — пред нами уже не сканя — а полотноще — с тругитом из собственной крови, из лишней и пота, из вроз лихолетий.

Это, по замыслу Евгения Буравлева, должно воображать собой не что-нибудь, а захватывающую, живую картину нашей жизни. Чувство меры, вкус явно изменили автору, когда он с помощью таких неточных сравнений создавал стихотворение «Наше кровное дело».

Значит, для поэтического отображения действительности недостаточно одной только тематики, какой бы она актуальной ни была. Любая тема не сможет спасти произведение от провала, если она выражена малолукаждественными или вовсе лишними художественными средствами.

Это же можно проследить и на некоторых слабых стихотворениях второго раздела сборника. Мы имеем в виду прежде всего «Балладу о связистах», представляющую из себя черепушку записи интересных фактов.

В начале баллады автор пробует заинтересовать читателя:

Никогда не стану повторять свой рассказ,
как от Янова-стана
связь тангуи на Таэ.

Читаем строфу за строфой, а настоящего, незабываемого рассказа так и не находим: Больше того, есть просто изурчанные вещи:

Ночевали не сладко,
прямо в снег повалился,
легкой майской палаткой
от змыи оделся.

Не спасает стихотворение и риторическая, полная неточностей концовка:

Шли равниною чистой,
Непроданной гайгой...

Победил связисты край суровый, глухой... В результате волнующая тема осталась нераскрытой.

Другое дело — раздел «На Южсибе». Здесь, за редким исключением, ревностно соблюдается поэт единство содержания и формы. Стихи свежие, свои, оригинальные. Это относится не только к отнесенным выше «Двум встречам» и к «Мостовику», «Моему Буравлеву», «На Южсибе».

Вершию Евгению Буравлеву, когда он от всей души признается: Нет, никогда я не жалел, что изо всех дорог я выбрал ту, где больше дел, где под дождем дроз, где труден путь, как перевал, где люди хороши. И если б снова выбирал, то выбрал бы Южсиб.

В данном случае (это не может не иметь значения) автор прав и в точки зрения поэзии, и в точки зрения слог биогрфии. Оказавшись на строительстве Южно-Сибирской железной дороги, Буравлев привлекал к ней, любил ее людей, простых, задушевных, трудолюбивых, изучал их жизнь, не раз, в меру своих сил, помогал строителям преодолевать бесчисленные трудности. Вот почему поэту удается находить верные краски, скрутные, тонкие слова, строгие образы, когда он начинает рассказывать о людях Южсиба.

Вот как, например, постепенно создается обязательный образ строителя мостов. Он посвятил трудному, но благородному делу всю свою жизнь. Благодаря к работе, преданности профессии, мастерство помогают мостовику, не молодому годами, но расторопному, словно ему двадцать лет, широко шагать по родной земле, на века оставляя за собой неизгладимый след.

И еще говорит, будто он от бетона слышит берет для прочности в новый бетон долю сердца кладет...

К таким стихам нельзя оставаться безразличным. Строители просто, от души благодарили стихотворца за

то, что он сказал верное сердечное слово.

Вот она, моя песня,
в крылатом прорасбеком плаще,
а салюгах-кирзачах,
повидавших болота и грязь,
ясноглазую ворыкой,
с горячей живинкой в душе
идешь, моя песня,
ничего не боюсь.

Нам кажется, сборник стихотворений только бы вытравил от того правдивого и мужественного, чем богаты лучшие стихотворения о Южсибе, о Севере, если бы они открывали книгу.

В заключение хочется остановиться на попытке Е. Буравлева создать большое поэтическое полотно (мы имеем в виду поэму «Кладовские катели»).

Уже подзаголовок поэмы «Из записок Петровича» настораживает: не огорчка ли это? Чем дальше читаем «Кладовские катели», тем больше убеждаемся в правоте авторского сомнения. Серьезные события, легкие в основу поэмы, к сожалению, упрощены. Один из участников геологоразведочной экспедиции на Алтай, Сергей Задорожный, вдруг ни с того ни с сего нарушил дисциплину, пошел сам искать месторождение и... славу, а когда его поступок обсудили на комсомольском собрании, исправился и стал другим подлинной героини Лены.

Бедны средства изображения Задорожного. На одной странице он — всезнайка, хвастун, который

...между прочим, но авернет,
что сам он тоже в прошлый год
открыл месторождение.

На другой странице тот же Задорожный — хороший геолог, делится опытом с другими. Но средства изображения мало чем отличаются друг от друга и в первом, и во втором случаях:

Любой вопрос — готов ответ
для самого для сложного.
Растет, авернет
растет авторитет
Сергея Задорожного (стр. 64).

— Кусает губы Лена:
«Нет...
Назад
от шага дожного...»
Ах, как упал авторитет
Сергея Задорожного (стр. 66)

Но знаем, как насчет серающего шага, но, что касается авторского приема, то едва ли он себя оправдывает. И романсовое «ах» лишь еще больше подчеркивает примитивность изображения. Таких бедных, невыразительных мест много в «Кладовских кателях». К сожалению, они мало изменились в лучшую сторону после опубликования незавершенного варианта поэмы в газете «Комсомолец Кузбасса», хотя автор мог справиться с трудной задачей. Доказательство — прилагательные отрывки и даже некоторые глаголы «Кладовских кателей».

Горная шель голубая
манит издалека,
белую шапку Алтай
кинув под облака.
Образно, рельефно, свежо, эмоционально!

А вот характеристика проводника геологоразведчика:

Растирает Досан на ладоши
крепчайшую биискую крупку,
не спеша достает из кофра
золотой уголек
(говорит, что на Эльбе дымил
его неказистая трубка,
и в предгорьях Хингана
пускала дымок)...

К таким же поэтическим удачам можно отнести полухоточный, переопыленный поэтический находками рассказ «И у нас в Сибири есть девчата...».

О чем говорят эти удачи? О том, что Евгений Буравлев может писать хорошие стихи. Но ему необходима квалифицированная помощь, его произведения перед тем, как печатать, надо внимательно и без скидок на изображение мало чем отличаются друг от друга и в первом, и во втором случаях:

Нам остается пожелать Е. Буравлеву новых поисков на очень трудном поэтическом пути, по которому он сделал первые самостоятельные шаги. Настоятельные поиски непременно увенчаются новыми удачами.

А. КОСАРЬ.